

3. «Итоги года: 2024 год — Год качества в системе Министерства связи и информатизации // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь [сайт]. — URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/itogi-goda-2024-god-god-kachestva-v-sisteme-ministerstva-svyazi-i-informatizacii> (дата обращения: 14.04.2025).

4. Филипеня, А. С. Исследование перспективных стартапов в сфере ИТ и их влияние на экономику Республики Беларусь / А. С. Филипеня, А. К. Крамаренко // Основные тенденции экономического развития Республики Беларусь: материалы V науч.-практ. круглого стола преподавателей, аспирантов и студентов, Минск, 17 апр. 2023 г. — Минск: БГУ, 2023. — С. 202–206. — URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/36258> (дата обращения: 14.04.2025).

5. Мацукевич, Н. А. Инвестиционная активность цифровой экономики в Беларуси: перспективы и тенденции / Н. А. Мацукевич // Перспективные направления инновационного развития и подготовки кадров: сб. тезисов Междунар. науч.-практ. конф., Брест, 31 окт. — 2 нояб. 2024 г. — Брест: БрГТУ, 2024. — С. 128–131. — URL: <https://rep.bstu.by/handle/data/47444> (дата обращения: 14.04.2025).

УДК 33

Чжань Цзиньсинь

*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В КИТАЕ И БЕЛАРУСИ

Введение. Занятость молодежи как социально-экономический феномен представляет собой законодательно регламентированную деятельность, направленную на удовлетворение личных и общественных потребностей посредством получения дохода, при этом ее структурные особенности обусловлены демографической спецификой возрастной группы (16—29 лет в белорусской статистике), требующей адаптивных механизмов регулирования в условиях цифровой трансформации рынка труда [1, с.7]. Государственное воздействие в данной сфере реализуется через синтез нормативно-правовых, экономических и административных инструментов, где приоритетной задачей становится балансирование между макроэкономической эффективностью (оптимизация трудового потенциала) и социальной стабильностью (предотвращение молодежной маргинализации). Ключевой парадокс современной политики занятости заключается в необходимости одновременного преодоления структурных дисбалансов: с одной стороны, технологическая революция требует пересмотра традиционных моделей профессиональной подготовки, с другой — сохраняющаяся зависимость от административных квот (например, белорусские требования к 25 %-ной доле молодежи в штате) демонстрирует инерционность институциональных систем [2, гл. 4]. Эффективность регулирования измеряется не только количественными показателями (в Китае 93.9 % выпускников 2023 года трудоустроены), но и качеством интеграции в цифровую экономику, где гибкие формы занятости (китайские платформенные работники, 67.3 % из которых лишены полного соцпакета) требуют переосмысления концепции социальной защиты. Принципиальное значение приобретает многоуровневая координация: от макрорегулирования через налогово-бюджетные механизмы (субсидирование рабочих мест в приоритетных отраслях) до микроуправления кадровыми потоками (белорусские «заказные» образовательные программы с 91 % трудоустройства выпускников). Однако сохраняющиеся вызовы, такие как глобальная диссоциация между образовательными стандартами и требованиями цифрового производства (45 % китайских предприятий отмечают дефицит квалифицированных кадров), актуализируют потребность в кросс-культурных решениях, где опыт евразийской интеграции может стать лабораторией для апробации инновационных моделей занятости [3, с.202].

Основная часть. Молодежный рынок труда Республики Беларусь характеризуется устойчивыми структурными дисбалансами. Несмотря на общий уровень безработицы в 4 % (2021 г.), среди молодежи 15–24 лет этот показатель достигает 11.31 %. При этом ключевые отрасли промышленности сталкиваются с хроническим дефицитом кадров: 63 % предприятий испытывают трудности при найме квалифицированных рабочих. Основные причины — институциональная инерция системы профессионального образования и разрыв между компетенциями выпускников и требованиями работодателей [4]. Около 45 % молодых специалистов вынуждены работать не по специальности, что формирует слой структурной безработицы, усугубляемый цифровой трансформацией производства. Динамика молодежной безработицы демонстрирует рост с 11.01 % (2014 г.) до 11.31 % (2021 г.) [4]. Проблема усугубляется региональной асимметрией: 67 % вакансий сосредоточены в Минске, тогда как в сельской местности уровень безработицы среди молодежи достигает 22 %. Это провоцирует «утечку умов» и деградацию периферийных рынков труда. Низкая привлекательность рабочих профессий (средняя зарплата — 85 % от уровня специалистов с высшим образованием) создает порочный круг невостребованности технических специальностей.

Ключевым инструментом регулирования остается система «заказной подготовки». В рамках этой системы учебные программы профессионально-технических учреждений разрабатываются совместно с предприятиями-заказчиками. Официальная статистика подтверждает, что данный подход обеспечивает стабильное трудоустройство значительной части выпускников. Однако критики подчеркивают, что содержание многих программ отстает от динамично меняющихся технологических стандартов. Особенно остро проблема проявляется в условиях цифровизации производственных процессов, где работодатели всё чаще выражают недовольство качеством подготовки кадров. Административные меры, включая квотирование

рабочих мест для молодежи (25 % в штате предприятий), формально расширяют возможности трудоустройства, но на практике приводят к созданию низкооплачиваемых временных позиций, неспособствующих профессиональному росту, что усугубляется региональной асимметрией, когда концентрация вакансий в Минске контрастирует с дефицитом перспектив в сельской местности, где молодежная безработица приобретает хронический характер [1]. Инновационные инициативы, такие как виртуальные предприятия, имитируют реальные бизнес-процессы, но демонстрируют ограниченную эффективность. Основные причины — малый охват участников и отсутствие интеграции с национальной системой сертификации. Это подчеркивает необходимость перехода от компенсаторных мер к стратегиям упреждающего регулирования. Среди таких стратегий выделяют модернизацию образовательных стандартов через отраслевые советы работодателей. Дополнительным шагом становится внедрение цифровых платформ для прогнозирования кадровых потребностей.

Особенности государственной молодежной политики Китая в сфере занятости тесно связаны с концепцией современного социально-культурного пространства страны, которое коренится в традиционной китайской культуре, где идеи конфуцианства сохраняют свою актуальность. За периоды развития Китая модель управления и приоритеты политики претерпевали существенные изменения. В эпоху Мао Цзэдуна (1949–1976 гг.) сложилась административно-командная система, основанная на централизации власти и государственном секторе [5, с. 54]. После начала реформ в 1978 г. страна перешла к стратегии экономической модернизации, сформировав новую управленческую модель, сочетающую принципы партийного руководства и рыночных механизмов. Ключевой целью стала реализация концепции «Общества малого благосостояния», утвержденной в 2002 году. Трансформация политических и экономических систем в Китае привела к изменениям в социальной структуре общества. Внедрение частной собственности способствовало росту не государственных секторов и формирования новых социальных слоев: предпринимателей, высшего персонала иностранных и частных предприятий. С 1978 г. интенсифицировались процессы индустриализации и урбанизации, что привело к сокращению численности сельской молодежи и увеличению социальной мобильности. Однако эти изменения сопряжены с новыми вызовами, такими как старение населения, рост безработицы и демографические сдвиги. Динамика демографических показателей в Китае демонстрирует масштабные изменения. Население страны выросло с 962,6 млн. чел. в 1978 г. до 1,43 млрд. чел. в 2020 г., при этом доля городского населения возросла с 17,9 % до 57,35 % (2019 г.). С 2010 г. наблюдается снижение доли трудоспособного населения (от 70,14 % до 64,1 % в 2020 г.), а доля лиц старше 60 лет увеличилась с 13,3 % до 18,1 % за этот период [7, с. 7; 8]. Уровень безработицы в Китае демонстрирует нестабильный тренд: с 4,05 % в 2013 г. он вырос до 5,11 % в 2020 г., после чего снизился до 4,9 % в 2021 г. Однако фактические цифры могут быть выше из-за незарегистрированных безработных (сельские жители, не имеющие статуса городских жильцов, и выпускники вузов с низким спросом на рынке труда). Эксперты связывают рост безработицы с ускорением урбанизации, реформами в сельском хозяйстве и демографическими изменениями. К тому же необходимо иметь в виду, что уровень нерегистрируемой безработицы существенно превышает указанные значения, т. к. он включает в себя достаточное количество безработных из сельских поселений, которым не может быть присвоен статус официальных безработных, а также выпускников высших учебных заведений, спрос на которых в стране невелик. Следовательно, в стране уровень фактической безработицы может достигать 30 % и выше [6, с. 137]. Главными задачами современной молодежной политики в сфере занятости Китая являются: обеспечение качественной занятости, снижение социальных неравенств, стимуляция малого и среднего предпринимательства, а также адаптация к изменениям в демографической структуре. Реализация этих целей основывается на взаимодействии институциональных механизмов, включая государственную поддержку, профессиональное обучение и содействие созданию новых рабочих мест.

Заключение. Политика занятости молодежи в Беларуси и Китае демонстрирует схожие структурные вызовы: дисбаланс между образованием и требованиями рынка, региональная асимметрия, влияние цифровизации. Однако подходы различаются: Беларусь акцентирует административные меры (квотирование, «заказная подготовка»), что сталкивается с инерцией системы и низкой адаптивностью. Китай сочетает рыночные механизмы (поддержка МСП, цифровые платформы) с государственным регулированием, но сталкивается с проблемой неформальной безработицы и демографическим давлением. Общий урок — гибридные стратегии: сочетание административных и рыночных мер. Модернизация образования через сотрудничество с бизнесом, цифровое прогнозирование спроса и целевые инвестиции в регионы снизят дисбалансы.

Список цитируемых источников

1. Ванкевич, Е. В. Трудоустройство выпускников на рынке труда: но вые задачи системы образования в эпоху цифровизации / Е. В. Ванкевич, С. О. Горовой // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. — 2022. — №2(60). — С. 7-18.

2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г.. — URL: <http://ushachi.vitebsk-region.gov.by/uploads/documents/Natsionalnaja-strategijaustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-RB-do-2030-g.pdf> (дата обращения: 14.04.2025).

3. Нотченко, В.В. Исследование причин, последствий и путей решения безработицы как социально-экономической проблемы / В.В. Нотченко // Инновационные процессы в экономике, управлении и социальных коммуникациях: сборник труда. — М., 2015. — С. 200-207.
4. Статистическая информация Министерства статистики и анализа Республики Беларусь — URL: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/pollutant_emissions.php (дата обращения: 14.04.2025).
5. Рахматуллина, А. Т. Гендерные особенности рынка труда и занятости стран ЕАЭС / А. Т. Рахматуллина // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2021. — Т. 1. — № 31(31). — С. 12-18.
6. Ефимова, Л.С. Пути преодоления молодежной безработицы: зарубежный опыт / Л.С. Ефимова // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сборник статей Межд. Научно-практ. конф. — Курск: ЗАО «Университетская книга», 2021. — С. 157-161.
7. Экономика и рынок труда : учеб. пособие / А. С. Головачев, Н. С. Березина, Н. И. Бакун, Л. И. Леутина ; под ред. А. С. Головачева. — Минск: Высшая школа, 2016. — 245 с.
8. Базылев, Н. И. Курс макроэкономики в таблицах и схемах : учебное пособие / Н. И. Базылев, М. Н. Базылева. — Минск : Современная школа, 2014. — 142 с.

УДК 33

Чжань Цзиньсинь
*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь*

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ РОЛИ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТРУДОУСТРОЙСТВЕ МОЛОДЕЖИ

Введение. На фоне глобальных экономических изменений и технологической революции занятость молодежи стала ключевым вопросом, влияющим на социальную стабильность и устойчивое развитие страны. Системы профессионального образования Беларуси и Китая, являющихся странами с переходной экономикой, имеют свои особенности и проблемы в содействии занятости молодежи. Республика Беларусь унаследовала советскую традицию и сосредоточилась на общенациональном скоординированном планировании. В Китае создана модель интеграции промышленности и образования, а также сотрудничества школ и предприятий, но она сталкивается с такими проблемами, как несбалансированное региональное развитие. Страны должны извлекать уроки из международного опыта, углублять сотрудничество и совершенствовать политику в области профессионального образования, чтобы адаптировать ее к потребностям новых отраслей промышленности и повысить потенциал трудоустройства и качество подготовки молодых людей.

Основная часть. В Республике Беларусь Трудовой кодекс и соответствующие нормативные акты устанавливают специальный механизм защиты занятости молодежи. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития до 2030 года вывела занятость молодежи на уровень национальной повестки дня в области развития, подчеркнув необходимость повышения конкурентоспособности молодежи за счет совершенствования системы профессионального образования и повышения предпринимательских способностей. С точки зрения распределения образовательных ресурсов страна продемонстрировала значительные инвестиции — расходы на образование составляют порядка 4,7 % ВВП. Однако структурное противоречие между системой образования и экономическими потребностями становится все более заметным: «перепроизводство» талантов в высших учебных заведениях резко контрастирует с нехваткой кадров среднего профессионального и технического образования. Хотя внедрение системы распределения выпускников колледжей несколько снизило давление на занятость, оно выявило глубоко укоренившиеся противоречия, такие как несоответствие между профессиональными условиями и рыночным спросом, а также ограниченная жизнеспособность рынка труда. Система профессионального образования играет роль буфера занятости посредством профессиональной подготовки и бесплатных курсов переподготовки для безработной молодежи, однако существуют недостатки в эффективности программ обучения и неравномерное региональное распределение ресурсов. Текущие данные по рынку труда показывают, что безработица среди молодежи особенно заметна: уровень безработицы в возрастной группе 15–19 лет достигает 22,1 %, а в возрастной группе 20–24 года он составил 10,8 %, что значительно выше среднего по стране уровня безработицы среди трудоспособного населения, что отражает особое влияние несоответствия между объемом выпуска продукции в сфере образования и спросом со стороны промышленности на молодежь.

В мире существует огромный разрыв между различными регионами с точки зрения показателей безработицы молодежи. Более 17 млн. молодых безработных европейцев от 20 до 34 лет, часто вынуждены работать в условиях нестабильного состояния и в состоянии структурной безработицы или неполной занятости. Наиболее низкий уровень молодежной безработицы в Швейцарии — 2,1 %, наиболее высокий в ЮАР — 61,4 % (рисунок 1).